

Герои
Великой Отечественной

Фронтовые мемуары
Победителей

Николай Борисов

КОМАНДИР Т-34

**На танке
до Победы**

МОСКВА
«ЯУЗА»
«ЭКМО»
2015

УДК 82-94
ББК 68
Б 82

Дизайн переплета *Юрия Щербакова*

В коллаже на переплете использована фотография:
Иван Денисенко / РИА Новости.

В оформлении переплета также использована фотография
из архива автора.

В оформлении переплета использован элемент дизайна:
Felix Lipov / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Борисов, Николай Николаевич.

Б 82 Командир Т-34. На танке до Победы / Николай Борисов. — Москва : Яуза : Эксмо, 2015. — 224 с. — (Герои Великой Отечественной. Фронтовые мемуары Победителей).

ISBN 978-5-699-79495-9

К 70-летию Великой Победы. Уникальные воспоминания командира Т-34, отвоевавшего на передовой более года, — для танкиста это был огромный срок, ведь танковые части зачастую дрались буквально «до последней машины»: их отводили в тыл на переформирование лишь после потери всей бронетехники. Автор 5 раз горел в подбитых «тридцатьчетверках», но и сам сжег более дюжины немецких танков, а уничтоженные орудия, автомобили, огневые точки и живую силу противника «даже не считали».

УДК 82-94
ББК 68

ISBN 978-5-699-79495-9

© Борисов Н.Ф., 2015
© ООО «Издательство «Яуза», 2015
© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Слово от автора

Как известно, прошлое не возвращается. Оно превращается в воспоминание, в нагромождение минувших событий, мыслей, чувств, расположенных безо всякого порядка. Время уже не властно над памятью. У памяти свои законы...

Валентин Катаев

Давно собирался кое-что вспомнить и написать о войне, как она виделась безусому лейтенанту, но все отвлекали дела, заботы. А потом как-то на досуге глянул на календарь и обнаружил череду различных дат, годовщин, юбилеев — государственных и семейных. Да еще каких! 65-летие, 75-ти, 85-ти. Понял, что отступать больше некуда! Пришлось засучить рукава...

Многое уже подзабылось, поэтому для начала пересмотрел имеющиеся архивные документы. Затем проштудировал мемуары ветеранов 1-й гвардейской танковой армии и 4-го гвардейского танкового Кантемировского корпуса, в которых прошел настоящую школу побеждать. Сразу вспомнилось многое...

В своих зарисовках я постарался передать впечатления о самых разных событиях, пережитых в войну. О тяжелых боях и победах, о трудностях и лишениях, о веселом и грустном, и все же мои воспоминания прежде всего о людях. О боевых товарищах, с которыми меня свела фронтовая судьба. Именно им я посвящаю эти строки...

Довоенная жизнь

Родился я 3 ноября 1924 года в селе Барское-Татарово Вязниковского района тогда Ивановской, а ныне Владимирской области.

По тем временам семья у нас считалась не самая большая, родители и нас четверо: старшая сестра Александра, 1910 г. р., Сергей, 1915 г. р., я и самый младший Володя, 1929 г. р.

Если говорить о жизни до коллективизации, то можно сказать, что мы хорошо жили. Даже взаимы давали. Во времена НЭПа отец с мужиками скинулись и купили молотилочку. Быстро обмолачивали свое, а потом помогали другим. Сколько земли имели, не знаю, но хозяйство было крепкое. Корову держали, лошадь, поросеночка, несколько овец, курочек, ну и имели при доме огород в 40 соток и сад. И сам дом был очень приличный — деревянный сруб. Внизу погребок, где соленья хранили. Приличный двор, баня своя на участке. В общем, все прелести для хорошей жизни у нас имелись, и, сравнивая с другими, я уже понимал, что на общем фоне мы весьма прилично живем. Корова есть, значит, и молочко имеется. Если теленочка зарезали, половину себе, половину продали. Хотя и налоги высокие платили, но нормально жили. А потом у нас организовали колхоз «Путь Ильича» и все, что полагается, мы отдали: лошадку, корову.

Коллективизацию у нас стали проводить где-то в 30-м году, мне уже шесть лет было, поэтому я помню отдельные картиночки. Как собирались собрания, как проводилась агитация. Вот только отец у нас как крепенький середнячок особого желания вступать в колхоз не имел. Но обстановка так сложилась, что людям ясно дали понять. Если нет — что-то другое будет... На все наше большое село, тогда порядка ста домов было, у нас раскулачили, насколько я помню, три семьи. Отец возмутился: «Ну, какие они кулаки?» Просто работающие, зажиточные крестьяне, которые категорически отказались вступать в колхоз, то есть ни за что пострадали. Но их куда-то выслали, и в одном из их домов правление колхоза расположили, а в другом избу-читальню.

А в соседней деревне жила семья сестры моей мамы, так их раскулачили и отправили на Урал. Справедливо, несправедливо, я деталей до сих пор не знаю, но семья у них была довольно-таки мощная. Имели две лошадки и три коровы, а из шестерых детей — пятеро сыновей. И когда их раскулачили и выслали, вот тут отец уже окончательно все понял — придется вступить...

А когда вступил, его назначили бригадиром полеводческой бригады, потому что он выделялся способностями и физической силой. Два года отец бригадирил, а потом произошел такой инцидент. Один из его подопечных отказался выполнять порученную работу, и отец его начал «воспитывать», поддал ему под одно место. В результате тот пишет заявление в правление и отца начинают там по полной чехвостить.

Понятно, он стоял на своем: «выполнял обязанности, а как иначе бездельников и тунеядцев воспитывать?» Долго все это длилось, и, в конце концов,

ему объявили строгий выговор. Но он тоже, как говорится, закусил удила и пошел на принцип: «Не буду больше бригадиром!» Его не снимают, но и он на работу не выходит. В общем, скандал длился продолжительное время, его все уговаривали, стращали, пока он не написал заявление: «В соответствии со статьей такой-то устава сельхозартели прошу меня исключить из состава...» А в это время его младший брат был военкомом нашего района, и он как-то помог. Доказал, что отец прав и требования устава нужно выполнять. И только тогда отца отпустили. Он устроился ездовым и всю жизнь проработал в артелях в нашем поселке Мстера. А мы с Володей и мамой числились колхозниками. Я, например, начал работать в колхозе практически с двенадцати лет. Как каникулы — я непременно в колхозе.

Отец о новой власти старался плохого не говорить. Но когда с мужиками хорошо заложат, высказывал, было дело. Не то что критиковал власть, но, допустим, так мог выразиться: «Были же времена, когда мука была отличная. Из нее пирог высокий получался, как полагается. А сейчас мука совсем не та...» Но он понимал, когда и что можно говорить. Тем более его брат находился на руководящей работе, и отец понимал, что нельзя его подвести. Он вообще был мудрый мужик, много всего повидал в жизни.

Дело в том, что наш поселок еще чуть ли не с XVIII века специализировался на изготовлении икон, и там работала художественная школа по иконописи. Но ведь эти иконы надо было продавать. Так отец, еще будучи подростком, вместе со взрослыми ездил ими торговать в Тверскую, Псковскую, Новгородскую, Санкт-Петербургскую губернии, даже за Урал ездили с разными приключениями.

А в армии он служил в Подольском полку, который формировался в Шуе, и дослужился до унтер-офицера. Бывало, хвалился: «Это не то что нынешние сержанты! Командира полка мы почти не видели, так что это мы были настоящими начальниками!» И когда немножко выпьет, любил команды подавать: «На построение!» А голос у него был приличный. В детстве даже в церковном хоре пел. Рассказывал кое-что и про фронт.

Например, как попал в плен в Брусиловском прорыве. И очень по-доброму вспоминал работу у хозяйина в Австро-Венгрии. Он у него по хозяйству работал и в лавке за прилавком стоял. Но, вспоминая это время, всякий раз сокрушался: «Вон Иван Алексеевич в плену выучил немецкий язык и сейчас в школе преподает. Этим хам-хам, хам-хам деньги зарабатывает. А я по-прежнему горбом да руками... Надо было тоже учить, да дураком был...»

Привез из плена бритву, которой брился до самой смерти. А прожил он 90 лет. Точил, налаживал и приговаривал: «Лучшего мне и не нужно!» И привез свой крест «За заслуги». Я его спрашивал: «Как же ты его сохранил-то в плену?» — «Подшивал в одежду и никому не говорил». Этот крест долго у нас в шкатулочке хранился, но потом и он, и мой осколочек, который я отдал матери, куда-то заделались.

У нас в селе стояла Никольская церковь. Очень красивая, величественная, чуть ли не XVII века постройки. Так я помню, что арестовали священника. Куда-то пропал, но семья осталась. Но через месяц или два отец Василий вдруг вернулся и с год, наверное, еще побыл. К тому времени храм уже закрыли, но он чего-то там пытался. По великим праздникам

ходил по селу, никому не навязывался, но если его просили, заходил в дом и проводил обряды. Помню, он к нам так на Пасху зашел, но я с перепугу спрятался под стол. Выманили меня только с помощью конфетки и положенный ритуал состоялся.

Но через год он опять пропал, и на этот раз навсегда... Причем в этот раз вместе с семьей, а там же трое ребятишек... Соседи рассказывали, что их забрали ночью на «воронке»...

Еще хорошо помню, как с нашей церкви колокола сбрасывали. Мне уже было лет 10—11, когда прошел слух — сегодня будут снимать. Собрался народ, в основном пожилые бабульки. Ну и мы, пацаны, конечно, тут как тут.

Приехали чужаки, и, видимо, они уже опыт имели, потому что умело принялись за дело. Сначала маленькие колокола сбросили. Потом спустили большой, а он в дверной проем не проходит. Начали выбивать кирпичи, но это же не нынешняя кладка, там словно железо, поэтому задержались еще на сутки. И когда упал большой колокол, от него откололся большой кусок. Бабки и так все это время причитали, а тут просто стали проклинать этих «антихристов». Все ближе и ближе подходили к ним. Но те ничего не отвечали. Молча все проделали, погрузили на свои подводы и увезли...

Родители восприняли это очень тяжело. Отец, может, и не такой верующий был, не помню, чтобы молитвы читал, но часто крестился и по великим праздникам ходил в церковь. А вот мама у нас была очень набожная женщина. Постоянно перед едой молилась, перед сном. Лампадочку зажигала, крестилась, молилась... Но этой темы мы почти не касались и нас особенно не приучали. Хотя все мы, конечно, креще-

ные, но вот крестик я не носил и ни одной молитвы не знал. Но в церковь ходил. По большим праздникам мы обязательно всей семьей ходили. До сих пор отлично помню, какой аромат ладана стоял в нашей церкви, где какие иконы находились. Ну и все праздники у нас справляли, как полагается. Готовили все самое лучшее, понятно, что у нас в сердце отложилось ощущение праздника. Мужички собирались. Отца я в жизни пьяным не видел, но выпить он любил. А по такому поводу, как говорится, не грех и выпить и закусить.

Отец с матерью все посты соблюдали. Отец, правда, иногда бурчал маме: «Я скоро ноги таскать не буду...» А она ему так выговаривала: «Ты сам подумай. Столько лет прожил, но никакими болезнями не болел, в больнице не лежал. Тебя Бог бережет!» — и он соглашался.

Когда подошел срок, родители собрали меня в школу. Конечно, никакого портфеля не было, обыкновенная холщовая сумка через плечо. Собрались у школы, ждем, но что-то никого нет. Двери в школу открыты, в классах вроде все готово, но учителей почему-то не видно. Мы тут, конечно, бегаем, веселимся, ждем звонка. Потом смотрим, с поселка идут трое: мужчина в возрасте и две девочки. Прошли в школу — сразу звонок дали. А школа у нас бывшая церковно-приходская: два класса, комната для труда и коридор. Нас всех построили, и состоялось представление: «Вот для 1-го и 3-го класса учительница такая-то. А 2-й и 4-й в соседнем классе. Учительница такая-то».

Дома спрашивают: «Что там у вас за учительница?» — «Да девочки какие-то пришли». — «Что вы голову морочите, какие еще девочки?» Потом вы-

ясняется. Эти девочки окончили 7-й класс, за лето прошли краткосрочные курсы, и их запустили на самостоятельную работу к нам в глубинку. Вероятно, для эксперимента. Но ясно же, что вышло горе, а не обучение. Кто хочет приходит, кто хочет, уходит... А весной эти девочки и сами загуляли, убежали из школы, и мы остались сиротами.

Им на смену прислали двух женщин, они попытались привести нас в норму, но ничего не вышло. Поэтому было принято решение — всех оставить на второй год. Вот так я оказался второгодником...

А на следующий год еще же подошел 1-й класс, детишек-то много было, и теперь за каждой партией сидели по четверо. Кто на коленках, кто сбоку... А учителями прислали семейную пару. Возрастные муж с женой — Тихомировы Елена Никифоровна и Николай Петрович. Взяли они нас в шоры и в течение первой четверти привели к норме.

Четыре класса закончил, пошел в семилетку в поселок. Там две школы работало. Средняя — 11-я и семилетка — 12-я. Ясно, что все ближайшие деревни в эту семилетку. А поселковых в среднюю — привилегия... Тут мы стали понимать, что вроде мы и одинаковые, но не совсем. Там и условия получше, а мы в пяти разных зданиях.

Учился я хорошо, но не отличник. После 7-го класса большинство наших сельских пошли работать, а учиться дальше осталось всего пять человек. В том числе и я. Мама у нас почти неграмотная была, но мудрая женщина, и она сказала решающее слово: «Колька, ты учись! Впереди только так можно понастоящему в жизни устроиться! А мы и без твоих рук обойдемся!»

КОМАНДИР Т-34. НА ТАНКЕ ДО ПОБЕДЫ

И когда я школу оканчивал, думал, что пойду учиться в сельскохозяйственный институт. То ли на агронома, то ли еще на кого-то. Как-то мы побывали в гостях у дяди, а они как раз приехали с отдыха на юге и привезли немного фруктов: груши крупные, виноград. И почему-то у меня появилась мысль — займусь виноградарством.

Начало войны

Летом 1941 года я, как всегда в каникулы, работал в колхозе. В те дни картошку, что ли, окучивали. А председатель был разумный мужичок, и он нам говорил так: «С утра по холодку поработаете, а днем отдохнете. В футбол поиграете. А после обеда еще пару часиков поработаете». И вот прихожу к полудню домой, а мама мне и говорит: «Коля, по радио сказали, что в 12 часов будет важное сообщение!» В селе тогда электричества еще не было, но радио уже провели, и у нас дома эта черная тарелка на стене висела. Прослушал выступление Молотова, и концовку его запомнил на всю жизнь — «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!»

Лично для меня весть о войне оказалась неожиданной. Правда, когда старший брат Сергей встречался с отцом, то я слышал, как они поговаривали: «Обстановка какая-то сложная, беспокойная. Не исключено, что может быть и война...» Такие разговорчики были, но в силу возраста я их не особенно воспринимал.

Многие ветераны вспоминают, что молодежь чуть ли не с радостью восприняла начало войны. Не скажу, что я с радостью воспринял эту новость, но у меня была твердая уверенность, что мы с ними быстро справимся. Мы же все были воспитаны на фильме «Чапаев», мечтали стать командирами,

и я думал вначале, что мы их эге-ге-гей как погоним... Хотя отец постоянно говорил: «Немцы не дураки, не то что мы... Нас пока тут раскачают, тогда мы чего-то можем, а у немцев точный расчет. Я их хорошо знаю!» Тем не менее он тоже был убежден в Победе: «Германия же маленькая, а мы вон какая машина...» Но когда пошли похоронки и когда всех мужиков зачистили, тут, конечно, стало тревожно...

Но патриотизм был большой. Помню, в школе карту повесили, отмечали на ней флажками продвижение войск, а они все ближе и ближе к нам... И лишь когда немцев под Москвой разгромили, тут уже пришла уверенность — точно победим!

Впрочем, обсуждать неудачи начального периода войны было особо некому. Потому что более грамотными и активными были мужчины, но их всех подчистую загребли в армию. А среди женщин я таких обсуждений не слышал. Но вначале, конечно, настроение было неважное.

Все лето до призыва я отработал, даже бригадиром назначили, и председатель колхоза Анатолий Иванович Беляков уговаривал меня бросить школу и работать в колхозе. Но родители сказали однозначно: «До 1 сентября хорошо поработай, а потом учиться надо!» И осенью я пошел в 9-й класс.

Но проучились с месяц, наверное, а в октябре 41-го последовало распоряжение — построить вокруг поселка противотанковый ров. И всех учеников, начиная с 7-х классов и старше, бросили на рытье этого рва.

Копали мы его недели две. Ребята копают, а девочки по кухне. В перерыв выскакиваем, картошки поели и опять за работу. Он же шириной пять метров, глубиной три, а в длину три с лишним километра.